

УДК 81.00

ББК Ш141.01.2973

Д181

В. П. Даниленко

Иркутск, Россия

ШЕСТЬ ПУТЕЙ К ЧЕЛОВЕКУ ПО А. М. ГОРЬКОМУ

Статья посвящена изображению духовно-культурного облика А. М. Горького. В этом облике автор выявляет стремление великого писателя к атеизму (религия), истине (наука), красоте (искусство), добру (нравственность), справедливости (политика) и единению (язык).

Ключевые слова: А. М. Горький, духовная культура, религия, наука, искусство, нравственность, политика, язык.

V. P. Danilenko

Irkutsk, Russia

SIX WAYS TO MAN ACCORDING TO A.M.GORKY

This article is dedicated to the depiction of a spiritual-cultural A.M.Gorky's image. In this image the author reveals the aspiration of a great Russian writer for atheism (religion), truth (science), the beautiful (art), kindness (morality), justice (policy) and unity (language).

Key words: A. M. Gorky, spiritual culture, religion, science, art, morality, policy, language.

*Человек! Это – великолепно!
Это звучит... гордо! Че-ло-век!
Надо уважать человека.*

Слова Сатина из пьесы Алексея Максимовича Горького (1868–1936), вынесенные в эпиграф, нам известны со школьной скамьи. Пора бы уж поглубже вдуматься в их смысл. В них речь идёт о Человеке (с большой буквы).

Что означает Человек? Эволюционный идеал человека. К этому идеалу приближаются лишь очень редкие люди, но даже и им это не удаётся вполне. Возьмём, например, Льва Толстого. Молодой А. М. Горький впервые встретился с ним 13 января 1900 г. в Москве. Их беседа длилась больше трёх часов. 16 января Л. Н. Толстой написал в своём дневнике: «Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа» [Толстой, 1965, с. 124].

Своё впечатление о Л. Н. Толстом А. М. Горький изложил в письме к А. П. Чехову 21 или 22 января 1900 г. Вот отрывок из этого письма: «Он всё-таки – целый оркестр, но в нём не все трубы играют согласно. И это тоже очень хорошо, ибо – это очень человечно, т. е. свойственно человеку... Смотришь на него – и ужасно приятно чувствовать себя тоже человеком, сознавать, что человек может быть Львом Толстым. Вы понимаете? – за человека вообще приятно» [Переписка, 1984, т. 2, с. 328].

Только по отношению к одному человеку слово *человек* А. М. Горький написал с большой буквы. В очерке «В. И. Ленин» (1924) у него читаем: «Для меня исключительно велико в Ленине именно это его чувство непримиримой, неугасимой вражды к несчастиям людей, его яркая вера в то, что несчастье не есть неустранимая основа бытия, а – мерзость, которую люди должны и могут отместить прочь от себя. Я бы назвал эту основную черту его характера воинствующим оптимизмом материалиста. Именно она особенно привлекала душу мою к этому человеку, – Человеку – с большой буквы» [Горький, 1979, т. 16, с. 124].

Между тем в обширном художественном наследии А. М. Горького преобладают герои, как правило, очень далёкие от Человека. В этом нет ничего удивительного. Его автора окружали люди, эволюционный возраст которых он рас-

ценивал как подростковый: «Человек – всё ещё во многом зверь, но вместе с этим он – культурно – всё ещё подросток...» [Там же. С. 288].

Каков эволюционный возраст человечества? Антропологи более или менее сходятся сейчас на 2,5 миллионах лет. Между тем жизнь существует на Земле около 4 миллиардов лет. Вывод напрашивается сам: А. М. Горький польстил современному человеку. На самом деле, его эволюционный возраст точнее следовало бы расценить не как подростковый, а как младенческий.

Разрыв между человеком и животным в этом случае резко сократится, что в большей мере позволит высветить очевидное несовершенство современных людей. Мы увидим в этом случае не только наше наследие от своих животных предков – неуёмный инстинкт самосохранения, дикую борьбу за существование и т. п., но и бесконечные человеческие пороки (лживость, злобность, жадность, трусость, продажность и т. п.).

В этом случае становится также понятным, почему в каждом из нас сидит зверь. В отдалении от этого зверя, между прочим, А. М. Горький и видел смысл человеческой жизни. Предельно кратко этот смысл выразил Василий Панков – один из героев повести А. М. Горького «Мои университеты». Он сказал: «Суть жизни в том, чтобы человек всё дальше отходил от скота» [Там же, т. 9. С. 392].

Всё дальше отходить от скота означает не что иное, как очеловечение. Оно и ведёт нас вот уже 2,5 миллиона лет от животного к Человеку. Пройдено ещё весьма незначительное расстояние. До Человека современному человеку ещё так же далеко, как до солнца. Вот почему слово *Человек* звучит... гордо.

Есть шесть путей к Человеку, если иметь в виду движение к Человеку в области духовной культуры.

РЕЛИГИЯ

Первый путь к Человеку – путь от веры в бога к безверию. Он называется атеизацией. Его антипод – теизация. Последняя – плод не только невежества, но и воображения.

В статье «О том, как я учился писать» (1928) у А. М. Горького читаем: «Один из древнегреческих философов – Ксенофан – утверждал, что если бы

животные обладали способностью воображения, то львы представили бы себе бога огромным и непобедимым львом, крысы – крысой и т. д. Вероятно, комариный бог был бы комаром, а бог туберкулёзной бациллы – бациллой. Человек вообразил бога своего всеведущим, всесильным, всетворящим, то есть наделил его лучшими своими стремлениями. Бог – только человеческая “выдумка”, вызванная “томительно бедной жизнью” и смутным стремлением человека сделать своей силой жизнь более богатой, лёгкой, справедливой, красивой. Бог вознесён людьми над жизнью, потому что лучшим качествам и желаниям людей, зародившимся в процессе их труда, не было места в действительности, где идёт тяжёлая борьба за кусок хлеба» [Там же, т. 16. С. 285].

Чтобы подчеркнуть мысль о том, что бог – плод человеческого воображения, А. М. Горький уподоблял его литературным типам. Он говорил: «Бог создан так же, как создаются литературные “типы”, по законам абстракции и конкретизации. “Абстрагируются” – выделяются – характерные подвиги многих героев, затем эти черты “конкретизируются” – обобщаются в виде одного героя, скажем – Геракла или рязанского мужика Ильи Муромца; выделяются черты, наиболее естественные в каждом купце, дворянине, мужике, и обобщаются в лице одного купца, дворянина, мужика, таким образом получаем “литературный тип”» [Там же].

А. М. Горький был атеистом с детства. Он вспоминал: «Я никогда не боялся бога, это я хорошо помню. Всё, что мне говорили о нём, не вызывало у меня никаких чувств к нему. Мне говорили – на небе живёт бог. Не мог я себе представить, чтобы кто-то не боялся жить так высоко и один. Мне говорили, он управляет жизнью и всеми людьми. Но в нашем доме всеми людьми управлял дедушка, а не бог... Мне говорили, что бог родит детей, но я чаще слышал, что это делают женщины» (<http://atheism.su/gorkij-a-m>).

А. М. Горький был выдающимся борцом с религиозным мракобесием. Вот лишь некоторые его высказывания о религии:

1. Суть религии может быть абсолютно разной, но замысел её всегда один – использовать имя Бога.

2. Религия всегда противилась тому, чтобы человек на Земле обладал счастьем, и потому за счастьем религия всегда посылала человека на небеса.

3. Основная задача всех церквей была одна и та же: внушать бедным холопам, что для них – нет счастья на земле, оно уготовано для них на небесах, и что каторжный труд на чужого дядю – дело богоугодное.

4. Религия всегда боролась за то, чтобы человек как можно дольше находился в неведении, вот почему знания всегда были ярым врагом религии.

5. Бурное развитие научно-технического прогресса нанесло сокрушительный удар по религии лишь потому, что отрицая знания, религия сама оказалась к нему не готова (<http://каталог-статей.рф/education/citaty-vladimira-gorkogo-o-religii.html>).

Автор этих слов верил в Человека, а не в бога. Он писал: «Для меня не существует идеи вне человека, для меня именно он и только он является творцом всех вещей и всех идей, именно он чудотворец и в будущем владыка всех сил природы... И если уж надобно говорить о “священном”, – так священно только недовольство человека самим собою и его стремление быть лучше, чем он есть; священна его ненависть ко всякому житейскому хламу, созданному им же самим; священно его желание уничтожить на земле зависть, жадность, преступления, болезни, войны и всякую вражду среди людей, священен его труд» (<http://atheism.su/gorkij-a-m>).

НАУКА

Второй путь к Человеку – путь от лжи к истине. Он называется сциентизацией. Его антипод – антисциентизация. Последняя расцвела пышным цветом в постсоветской России.

А. М. Горькому посчастливилось захватить время, когда на науку в нашей стране смотрели как на великую производительную силу. В деле построения социалистического будущего он возлагал надежды не только на героический труд его созидателей, но и на «сказочные успехи науки» [Горький, 1979, т. 16, с. 283].

А. М. Горький сравнивал науку с художественной литературой. Их объединяет, по его мнению, две творческие способности человека – к познанию и воображению. Он писал: «Между наукой и художественной литературой есть много общего: и там и тут основную роль играют наблюдение, сравнение, изучение; художнику, так же как учёному, необходимо обладать воображением и догадкой – “интуицией”» [Там же].

На познание и воображение А. М. Горький смотрел с эволюционной точки зрения: «В борьбе за жизнь инстинкт самозащиты развил в человеке две мощные творческие силы: познание и воображение. Познание – это способность наблюдать, сравнивать, изучать явления природы и факты социальной жизни, короче говоря: познание – есть мышление. Воображение тоже, в сущности своей, мышление о мире, но мышление по преимуществу образами, “художественное”; можно сказать, что воображение – это способность придавать стихийным явлениям природы и вещам человеческие качества, чувствования, даже намерения» [Там же, с. 284]. В науке, вместе с тем, преобладает познание, а в искусстве – воображение.

А. М. Горький был самоучкой. Но это не помешало ему стать образованнейшим человеком своего времени. Об этом, в частности, свидетельствуют его статьи. Возьмём, например, его «Заметки о мещанстве». Его эрудиция в них выходит далеко за пределы родной ему стихии – художественной литературы. Он смело вторгается в другие сферы духовной культуры – науку, нравственность, политику. Достаточно в связи с этим привести хотя бы такую цитату: «Этот натиск энергии снизу вверх возбуждает в мещанстве жуткий страх перед жизнью, – в корне своём это страх перед народом, слепой силой которого мещанство выстроило громоздкое, тесное и скучное здание своею благополучия. На тревожной почве этого страха, на предчувствии отмщения у мещан вспыхивают торопливые и грубые попытки оправдать свою роль паразитов на теле народа – тогда мещане становятся Мальтусами, Спенсерами, Ле-Бонами, Ломброзо – имя им легион...» [Там же, с. 195].

Странно, что в этот список попала фамилия Г. Спенсера. Если не считать П. А. Кропоткина (см. его прекрасную статью «Герберт Спенсер: его философия» в кн.: *Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия.* М., 1990. С. 558–574), то великому английскому эволюционисту в России доставалось от многих. Особенно ненавистным он представлялся В. В. Розанову, который писал: «Никакого желания спорить со Спенсером: а желание вцепиться в его аккуратные бакенбарды и выдрать из них 1/2» [Розанов, 1990, с. 312].

Свою фантастическую эрудицию А. М. Горький черпал из книг. После революции К. И. Чуковский работал под руководством А. М. Горького в издательстве «Всемирная литература». Он вспоминал: «Во время совместной работы над списками русских писателей я убедился, что Горький не только лучше любого из нас знает самые темные закоулки русской литературной истории (знает и Воронова, и Платона Кускова, и Сергея Колошина!), но до тонкости разбирается в “течениях”, “направлениях”, “веяниях”, которые и делают историю литературы историей. Байронизм, натурализм, символизм – вообще всевозможные “измы” были досконально изучены им. Как это ни странно, некоторых тогдашних писателей даже раздражала огромная его эрудиция. Один из них говорил мне ещё до того, как я познакомился с Алексеем Максимовичем:

— Думают: он — буревестник... А он — книжный червь, учёный сухарь, вызубрил всю энциклопедию Брокгауза, от слова “Аборт” до слова “Цедербаум”.

Эти люди не хотели понять, что первым истинно революционным поэтом может быть лишь писатель величайшей культуры, образованнейший человек своего поколения, что одного “нутра”, одной “стихийности” здесь недостаточно. Книг он читал сотни по всем специальностям – по электричеству, по коннозаводству и даже по обезболиванию родов, – и нас всегда удивляло не только качество усваиваемых им элементов культуры, но и количество их. В день он писал такое множество писем, сколько иной из нас не напишет в месяц. А сколько он редактировал журналов и книг!» [Чуковский, 1967, т. 2, с. 147].

ИСКУССТВО

Третий путь к Человеку – путь от безобразного к прекрасному (красоте). Он называется эстетизацией. Его антипод – антиэстетизация. Последняя нашла своё яркое воплощение в формализме. Его представители выдвигают в своих произведениях на первый план их форму в ущерб их содержанию.

В статье А. М. Горького «О формализме» (1936) читаем: «В эстетике – учении о красоте – формалисты утверждают, что красота сводится и выражается в гармоничном сочетании звуков, красок, линий, которые приятны зрению и слуху сами по себе, как таковые, и независимо от того, что выражается посредством их. Соотношение линий в архитектуре, игра линий в орнаменте, сочетание красок в материях нашего платья, стройность, изящество, удобство форм посуды и различных предметов домашнего обихода иногда так же великолепны и прекрасны, как прекрасна мелодия в музыке. В литературе излишняя орнаментика и детализация неизбежно ведут к затемнению смысла фактов и образов. Желающие убедиться в этом пусть попробуют читать Екклесиаста, Шекспира, Пушкина, Толстого, Флобера одновременно с Марселем Прустом, Джойсом, Дос-Пассосом и различными Хемингуэями» [Русские писатели, 1954, с. 724].

На поверку оказывается, что за формальной красотой в искусстве скрывается душевная пустота: «Формализм как "манера", как "литературный приём" чаще всего служит для прикрытия пустоты или нищеты души. Человеку хочется говорить с людьми, но сказать ему нечего, и утомительно, многословно, хотя иногда и красивыми, ловко подобранными словами, он говорит обо всём, что видит, но чего не может, не хочет или боится понять. Формализмом пользуются из страха перед простым, ясным, а иногда и грубым словом, страшась ответственности за это слово. Некоторые авторы пользуются формализмом как средством одеть свои мысли так, чтоб не сразу было ясно их уродливо враждебное отношение к действительности, их намерение исказить смысл фактов и явлений» [Там же, с. 725].

Искажение смысла фактов и явлений может осуществляться в литературе не только за счёт языкового фокусничества, но и за счёт дискредитации самих этих фактов и явлений. Особенно возмущало А. М. Горького обезображивание революционеров и женщин.

С точки зрения самого А. М. Горького о героях революции нужно писать «языком эпическим, просто, даже сурово, избегая всяких украшений, – писать так, как ваятели Греции изображали тела героев и богов» [Там же, с. 742].

Между тем в дореволюционное время образ революционера намеренно обезображивался. В статье «Разрушение личности» (1909) А. М. Горький писал: «Литератор начал хватать революционера за пятки, более или менее бесталанно подчёркивая в нём всё, что может затемнить и запачкать его человеческое лицо, – может быть, единственно светлое лицо современности» [Горький, 1979, т. 16, с. 256].

В этой же статье А. М. Горький выражает своё возмущение в адрес писателей, обезображивающих женщину. Он пишет: «Величественная простота, презрение к позе, мягкая гордость собою, недюжинный ум и глубокое, полное неиссякаемой любви сердце, спокойная готовность жертвовать собою ради торжества своей мечты – вот духовные данные Василисы Премудрой, великолепно и любовно очерченные старыми мастерами образа и слова, а ещё точнее – музою новейшей русской истории... И вдруг – эта женщина, воистину добрый гений страны, ушла из жизни, исчезла, как призрак; на место её ставят перед нами "кобыл" (прошу заметить, что в этой статье я пользуюсь только теми грубостями, которые были уже употреблены ранее в журналах и газетах последнего времени), наделяют их неутолимою жаждою исключительно половой жизни, различными извращениями в половой сфере, заставляют сниматься нагими, а главным образом – предают на изнасилование» [Там же, с. 264].

После революции А. М. Горький мечтал о создании новой литературы. На место старого реализма он хотел поставить новый – социалистический. Его считают основателем метода социалистического реализма. Между тем этот метод есть не что иное, как продолжение того метода в литературе, который он

сам называл революционным (или героическим) романтизмом. Он пропагандировал этот метод ещё в молодости. В чём его суть?

Суть метода героического романтизма А. М. Горький объяснил ещё в январе 1900 г. в письме к А. П. Чехову. Он писал: «Право же – настало время нужды в героическом: все хотят – возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше её, лучше, красивее. Обязательно нужно, чтобы теперешняя литература немножко начала прикрашивать жизнь, и, как только она это начнёт, – жизнь украсится, т. е. люди заживут быстрее, ярче» [Переписка, 1984, т. 2, с. 326].

Приноравливая идею революционного романтизма к социалистическим условиям, в докладе «О бойкости» (1934) А. М. Горький говорил: «Революционный романтизм – это, в сущности, псевдоним социалистического реализма, назначение коего не только критически изобразить прошлое в настоящем, но главным образом – способствовать утверждению революционно достигнутого в настоящем и освещению высоких целей социалистического будущего» [Русские писатели, 1954, с. 721].

В старом реализме А. М. Горького в первую очередь не устраивало пассивное отношение её творцов и их героев к действительности. Он мечтал о литературе, в которой появится новый герой – герой-революционер, герой-преобразователь, герой-творец.

НРАВСТВЕННОСТЬ

Четвёртый путь к Человеку – путь от зла к добру. Он называется морализацией. Его антипод – аморализация. Главный источник последней А. М. Горький видел в азиатчине.

В 1915 г. А. М. Горький написал статью «Две души». В ней он поместил Россию между Западом (Европой) и Востоком (Азией). Русские, с его точки зрения, причудливым образом вместили в себя влияние как Европы, так и Азии. Вот как в общих чертах у него выглядит схема противопоставления Запада и Востока:

<i>Области культуры</i>	<i>Запад</i>	<i>Восток</i>
<i>Религия</i>	Терпимость	Фанатизм
<i>Наука</i>	Рационализм	Сенсуализм
<i>Искусство</i>	Реализм	Мистицизм
<i>Нравственность</i>	Индивидуализм	Коллективизм
<i>Политика</i>	Демократия	Деспотия
<i>Язык</i>	Асоциализация	Социализация
<i>Мировоззрение</i>	Активность	Пассивность

Из каждой культурной доминанты, характерной для Запада и Востока, вытекает множество последствий. Так, русские, с точки зрения А. М. Горького, унаследовали от Востока пассивное отношение к действительности и даже стремление уйти, убежать от неё. Отсюда вытекают такие свойства русского характера, как раболепие, безволие, лень, пессимизм, эскапизм, мечтательство, склонность к пьянству и т. п.

Из пассивного отношения к действительности, свойственного восточно-азиатскому мироощущению, А. М. Горький, между прочим, выводил и неприкаянность. Чацких, онегиных и обломовых он вписал в один разряд с бездомными бродягами. «А вот жестокость к рабам и раболепие пред владыками, столь свойственное нашему дворянству, – читаем мы у него, – это от Востока вместе с "обломовщиной", типичной для всех классов нашего народа. Верно также, что бесчисленная масса "лишних людей", всевозможных странников, бродяг, Онегиных во фраках, Онегиных в лаптях и зипунах, людей, которыми владеет "беспокойство, охота к перемене мест", это одно из характернейших явлений русского быта, – тоже от Востока и является не чем иным, как бегством от жизни, от дела и людей» [Горький, 1918, с. 185].

Что и говорить, переборщил здесь Алексей Максимович, – даже не столько в том, что уравнил неприкаянных героев русской классической литературы с бродягами, сколько в том, что подвёл под неприкаянность исключительно восточно-азиатские корни.

В основе *духовной* неприкаянности лежит безуспешный поиск смысла жизни. Этот смысл ищут и далеко не всегда находят не только на Востоке, но также на Западе, Юге и Севере.

Нельзя, вместе с тем, отрицать бесспорное рациональное зерно, имеющееся в позиции А. М. Горького по отношению к неприкаянным героям нашей литературы. Эта позиция выражена им предельно ясно: «Вся наша литература – настойчивое учение о пассивном отношении к жизни, апология пассивности» [Горький, 1979, т. 16, с. 206–207]. В другом месте у него же читаем: «Писатель активного настроения – например, Джек Лондон – невозможен в России» [Там же, с. 57].

Да и то сказать: неприкаянному человеку не до активного настроения. О какой активности можно говорить, если не решён главный вопрос: зачем?

С этим «Зачем?» А. М. Горький и появился на литературном горизонте в 1892 г. Его Макар Чудра учил: «Долго не стой на одном месте – чего в нём? Вон как день и ночь бегают, гоняясь друг за другом, вокруг земли, так и ты бегай от дум про жизнь, чтоб не разлюбить её. А задумаешься – разлюбишь жизнь, это всегда так бывает. И со мной это было. Эге! Было, сокол. В тюрьме я сидел, в Галичине. "Зачем я живу на свете?" – помыслил я со скуки, – скучно в тюрьме, сокол, э, как скучно! – и взяла меня тоска за сердце, как посмотрел я из окна на поле, взяла и сжала его клещами. Кто скажет, зачем он живёт? Никто не скажет, сокол! И спрашивать себя про это не надо. Живи, и всё тут! И походи да посмотривай кругом себя, вот и тоска не возьмёт никогда. Я тогда чуть не удавился поясом, вот как!» [Горький, 1979, т. 1, с. 22].

Неприкаянным оказался горьковский Фома Гордеев. Отец оставил ему миллионы. Он учил сына: «На людей – не надейся... многого от них не жди... Мы все для того живём, чтобы взять, а не дать... О, господи, помилуй грешника!» [Горький, 1985, т. 2, с. 84].

Сын оказался плохим учеником. В него, как клещ, вцепился вопрос: «Зачем?». Он почувствовал себя хуже таракана, который знает, куда он ползёт и зачем. А деньги? Вот вам его ответ: «Деньги? Много их у меня!.. Задушить мо-

гу ими до смерти, засыпать тебя с головой... Обман один – дела эти все... Вижу я дельцов – ну что же? Нарочно это они кружатся в делах, для того, чтобы самих себя не видеть было... Прячутся, дьяволы... Ну-ка освободи их, от суеты этой, – что будет? Как слепые, начнут соваться туда и сюда... с ума посходят! Ты думаешь, есть дело – так будет от него человеку счастье? Нет, врешь! Тут – не всё ещё!.. Река течёт, чтобы по ней ездили, дерево растёт для пользы, собака – дом стережёт... всему на свете можно найти оправдание! А люди – как тараканы – совсем лишние на земле... Всё для них, а они для чего? В чём их оправдание?» [Там же, с. 165].

Вот как заканчивается повесть: «Недавно Фома явился на улицах города. Он какой-то истёртый, измятый и полоумный. Почти всегда выпивши, он появляется – то мрачный, с нахмуренными бровями и с опущенной на грудь головой, то улыбающийся жалкой и грустной улыбкой блажененького. Иногда он буйнит, но это редко случается. Живёт он у сестры на дворе, во флигельке...» [Там же, с. 255].

Жалкий человек! Не вышло из него Саввы Морозова. Задатки были, но он не хотел учиться. Вопрос «Зачем?» остался для Фомы Гордеева нерешённым. Он загулял, порвал со своим классом и стал приживальщиком. До эволюционного смысла жизни ему было далёко, как до солнца.

Вопрос о смысле человеческой жизни – мировоззренческий вопрос. На свете жили и живут миллионы людей, не озабоченных поиском своего мировоззрения. Отсутствие собственного мировоззрения, между тем, может составить трагедию для человека думающего. К таким людям принадлежал главный герой романа-эпопеи А. М. Горького «Клим Самгин (Сорок лет)».

В одной из заметок А. М. Горький писал о своём Климе: «Этот тип индивидуалиста, человека непременно средних интеллектуальных способностей, лишённого каких-либо ярких качеств, проходит в литературе на протяжении всего XIX века» [Там же, т. 11, с. 528].

К этому типу А. М. Горький относил Онегина, Печорина, Обломова, Рудина и других главных героев русской классической литературы. Почему? Все они, как и Клим Самгин, неприкаянные.

Почему Клим Самгин искал правду, но не находил? Почему он так и остался у разбитого корыта неприкаянности? Две главные причины: 1) недоверчивость к чужой правде; 2) средние интеллектуальные способности. Впрочем, первая черта вытекает из второй. Эти черты обнаружились в нём уже в детстве. Уже в детстве он не рассчитывал на собственные интеллектуальные способности в поиске правды, а допытывался о ней у взрослых. Но их правда его не удовлетворяла. Она ему казалась сомнительной. «Клим довольно рано начал замечать, – читаем у А. М. Горького, – что в правде взрослых есть что-то неверное, выдуманное» [Там же. С. 16].

Так будет у него всю жизнь. Всю жизнь он будет не своей головой додумываться до правды, а выведывать её у других. Результат будет всё тот же: в их правде он будет находить что-то неверное, выдуманное. Так и будет жить, лавируя между чужими правдами, сам по себе, особняком, но изображая из себя оригинала, у которого своя, особая, независимая правда – между да и нет: «Клим Самгин легко усваивал чужие мысли, когда они упрощали человека. Упрощающие мысли очень облегчали необходимость иметь обо всём своё мнение. Он выучился искусно ставить своё мнение между да и нет, и это укрепляло за ним репутацию человека, который умеет думать независимо, жить на средства своего ума» [Там же. С. 82].

Клим паразитирует на чужих мнениях. Но они не заполняют пустоты, которая прячется в глубине его души: «В них нет ничего, что крепко прирастало бы к нему, что он мог бы назвать своим, личным домыслом, верованием. Всё это жило в нём как будто против его воли и – неглубоко, где-то под кожей, а глубже была пустота, ожидающая наполнения другим содержанием» [Там же. С. 203].

Как молитву, Самгин повторял слова о своей внутренней независимости: «Я ни с чем и ни с кем не связан. Действительность мне враждебна. Я хожу над

нею, как по канату» [Там же, т. 13, с. 118]. Но независимость – это не правда, а лишь условие, обеспечивающее приближение к ней.

Ох, нелёгкая это работа – плутать в хаосе чужих мыслей, жизней и событий, не умея привести их в порядок и прийти к самому себе. Как? Как же не потерять себя в толпе своих двойников? Надо на чём-то остановиться! Нельзя служить всем богам сразу. Да, но средние интеллектуальные способности не позволяют.

Далеко Клим Самгину до роллановского Кристофа Крафта! Последний остановился на человечности: «Нужно быть не просто человеческим, а человеком... человеческим! Бог с ним, с вашим худосочным гуманизмом! Нельзя любить двадцать вещей сразу, нельзя служить нескольким богам!» [Роллан, 1982, т. 2, с. 324].

Что же мешало нашему Климу Самгину стать не просто человеческим, а человеком человеческим? Дело здесь не только в его средних умственных возможностях, но и в непомерном обособленчестве от людей, в бесплодной погоне за непохожестью на других, в его пожизненном индивидуализме.

Человечность – вот качество, отличающее человека от животного. Человек – существо культуросозидающее, а животное довольствуется лишь предкультурой. Кристоф Крафт у Р. Роллана – великий композитор. Он вносит свой вклад в развитие музыкальной культуры. А Клим Самгин у А. М. Горького? В сущности – он бездарен. Ни одного своего замысла он не доводит до конца. Как и Мерсо у А. Камю, он – посторонний в этом мире. Его главная цель – пользоваться благами культуры, не им создаваемой, и упиваться своей оригинальностью и свободой мысли: «Он, Клим Самгин, ещё в детстве был признан обладателем исключительных способностей, об этом он не забывал да я не мог забыть, ибо людей крупнее его – не видел. В огромном большинстве люди – это невежды, поглощённые простецким делом питания, размножения и накопления собственности, над массой этих людей и в самой массе шевелятся люди, которые, приняв и освоив ту или иную систему фраз, именуют себя консерваторами, либералами, социалистами. Они раскалываются на бесчисленное количество

группочек – народники, толстовцы, анархисты и так далее, но это, не украшая их, делает ещё более мелкими, менее интересными. Включить себя в любой ряд таких людей, принять их догматику – это значит ограничить свободу своей мысли» [Горький, 1979, т. 14, с. 154].

Вот итог, к которому Клим Иванович Самгин пришёл к концу своей пятидесятилетней жизни: «Он видел вокруг себя людей, в большинстве беспартийных, видел, что эти люди так же, как он, гордились своей независимостью, подчёркивали свою непричастность политике и широко пользовались правом критиковать её. Количество таких людей возрастало» [Там же. С. 483].

Клим Самгин – прямая противоположность не только Кристофа Крафта у Ромена Роллана, но и Мартина Идена у Джека Лондона. Последний нашёл основы универсально-эволюционного мировоззрения у Г. Спенсера, а К. Самгин так и остался человеком без мировоззрения.

ПОЛИТИКА

Пятый путь к Человеку – путь от несправедливости к справедливости. Он называется политизацией. Его антипод – аполитизация. Главных проводников последней А. М. Горький видел в мещанах. Им он посвятил известную статью «Заметки о мещанстве» (1905).

Трактовка мещанства в указанной статье выглядит весьма широкой. Так, в число мещан у него попадают некоторые русские литераторы – в частности, Ф. И. Тютчев. Известное стихотворение Ф. И. Тютчева:

Не рассуждай, не хлопочи,
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть тому, что будет,
Живя – умей всё пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чём тужить?
День пережит – и слава богу...

А. М. Горький преподносит по существу как гимн мещанина, которому в данном случае приписывается следующее: «Он не герой, героическое непонятно ему, только иногда на сцене театра он любит героями, спокойно уверенный, что театральные герои не помешают ему жить. Он не чувствует будущего и, живя интересами данного момента, своё отношение к жизни определяет так:

Не рассуждай, не хлопочи...

Он любит жить, но впечатления переживает неглубоко, социальный трагизм недоступен его чувствам, только ужас пред своей смертью он может чувствовать глубоко и выражает его порою ярко и сильно. Мещанин всегда лирик, пафос совершенно недоступен мещанам, тут они точно прокляты проклятием бессилия...» [Горький, 1979, т. 16, с. 198–199].

Но автор этих слов не останавливается на Ф. И. Тютчеве. Он решительно относит к писателям-мещанам не кого-нибудь, а Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. «Ожидаю, что идолопоклонники закричат мне: “Как? Толстой? Достоевский?”. Я не занимаюсь критикой произведений этих великих художников, я только открываю мещан. Я не знаю более злых врагов жизни, чем они. Они хотят примирить мучителя и мученика и хотят оправдать себя за близость к мучителям, за бесстрашие своё к страданиям мира. Они учат мучеников терпению, они убеждают их не противиться насилию, они всегда ищут доказательств невозможности изменить порядок отношений имущего к неимущему, они обещают народу вознаграждение за труд и муки на небесах и, любуясь его невыносимо тяжкой жизнью на земле, сосут его живые соки, как тля» [Там же. С. 207].

Возникает вопрос: кто же, по А. М. Горькому, не мещанин? Кого он имеет в виду, говоря о мещанстве? Вот лишь некоторые его черты:

1. «Мещанство – это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства – уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный

страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе всё, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей» [Там же. С. 194].

2. «Мещанин не способен видеть ничего, кроме отражений своей серой, мягкой и бессильной души» [Там же. С. 199].

3. «Мещанин любит иметь удобную обстановку в своей душе. Когда в душе его всё разложено прилично – душа мещанина спокойна. Он – индивидуалист, это так же верно, как нет козла без запаха... Подумайте, как это красиво – в центре мира стоит жирный человечек с брюшком, любитель устриц, женщин, хороших стихов, сигар, музыки, человек, поглощающий все блага жизни, как бездонный мешок. Всегда несытый, всегда трусливый, он способен возвести свою зубную боль на степень мирового события, “я” для этого паразита – всё!» [Там же. С. 207–208].

4. «Мещанин в политике ведёт себя, как вор на пожаре, – украл перину, съел её домой и вновь явился на пожар гасить огонь, который он же сам тихонько раздувал из-за угла...» [Там же. С. 211].

5. «Одно из свойств мещанской души – раболепие, рабье преклонение перед авторитетами» [Там же. С. 207].

6. «Мещанин любит философствовать, как лентяй удить рыбу, он любит поговорить и пописать об основных проблемах бытия – занятие, видимо, не налагающее никаких обязанностей к народу и как нельзя более уместное в стране, где десятки миллионов человекоподобных существ в пьяном виде бьют женщин пинками в животы и с удовольствием таскают их за косы, где вечно голодают, где целые деревни гниют в сифилисе, горят, ходят – в виде развлечения – в бой на кулачки друг с другом, при случае опиваются водкой и во всём своём быте обнаруживают какую-то своеобразную юность, которая делает их похожими на первобытных дикарей...» [Там же. С. 209].

7. «Он обладает, как все паразиты, изумительной способностью приспособления, но никогда не приспособляется к истине» [Там же. С. 218].

Я мог бы привести новые цитаты из анализируемой статьи, но, боюсь, они увелили бы нас ещё дальше от ответа на вопрос о том, кто мещанин, а кто не мещанин. Надо прямо сказать: противоречивым вышел у А. М. Горького образ мещанина. Он вмещает в себя, с одной стороны, «жирного человечка с брюшком, любителя устриц, женщин», а с другой, авторов «Войны и мира» и «Братьев Карамазовых». Но не будем делать поспешных выводов: у А. М. Горького в его статье есть достаточно ясный ответ на вопрос о том, кто не мещанин. Это рабочий. Но не реальный рабочий, а идеальный, будущий. Именно он противостоит расплывчатой массе мещан.

«Великое, неисчерпаемое горе мира, – пишет А. М. Горький, – погрязшего во лжи, во тьме, в насилии, обмане, – моё личное горе. Я есть человек, нет ничего, кроме меня». Это миропонимание, утончённое и развитое до красоты и глубины, которой мы себе представить не можем, вероятно, и будет миропониманием рабочего, истинного и единственно законного хозяина жизни, ибо строит её он» [Там же. С. 208].

Но почему именно рабочий, а не крестьянин или интеллигент станет носителем немещанского миропонимания?

А. М. Горький верил, что именно рабочий в большей мере, чем крестьянин и интеллигент, способен к активной, преобразующей деятельности, которая делает человека Человеком. В этой деятельности его главным противником оказывается государство: «Государство убивает человека, чтобы воскресить в нём животное и силою животного укрепить свою власть; оно борется против разума, всегда враждебного насилию» [Там же. С. 206].

В другом месте А. М. Горький пишет о рабочем: «”Зачем так? Для кого?”. И он начинал понемногу догадываться, что весь этот механически правильно, но бессмысленно действующий ад создан и приведён в движение ненасытной жадностью тех людей, которые захватили в свои руки власть над всей землей и над человеком и всё хотят развить, укрепить эту власть силою золота. Они обезумели от жадности, сами стали глупыми и жалкими рабами своих фабрик и машин, своих векселей и золота, зарвались, запутались в сетях дьявола наживы,

как мухи в паутине, и уже не отдают себе отчёта – зачем всё это им? – и не видят, отупевшие, не могут видеть возможности жить иначе – иной жизнью, красивой, свободной, разумной» [Там же. С. 215–216].

Главная мысль автора «Заметок о мещанстве» – призыв к активной борьбе с мещанством. Не мещанин тот, кто активен в борьбе за подлинно человеческую жизнь, а мещанин – враг этой борьбы. Он – раб. Его делает таким «бесстрастный слуга жёлтого дьявола, жадного золота, – всё разрушающий капитализм» [Там же. С. 205].

«Капитал, – читаем у А. М. Горького, – похож на чуму, которая одинаково равнодушно убивает водовоза и губернатора, священника и музыканта. И, как чума, сам по себе он не нуждается в оправдании бессмысленности своего роста, – механически правильно сортируя людей на классы, независимо от своей воли развивая их сознание, он сам создаёт себе непримиримых врагов, раздражая человека своей жадностью, как дурак раздражает быка красным. Зло жизни, он не стесняется своей ролью, он цинично откровенен в своих действиях и, нагло говоря грохотом машин “всё мое!”, равнодушно развращает людей, искажает жизнь. Таков он есть, он не может быть иным, и это хорошо, потому что просто, всем понятно и очень быстро создаёт в душе представителя труда резко отрицательное, непримиримо враждебное отношение к представителю капитала» [Там же. С. 217].

Есть ли свет в конце капиталистического туннеля? «Жестокость богатства так же очевидна, как и глупая жадность его. Неразборчивый, как свинья, капитал пожирает всё, что видит, но нельзя съесть больше того, сколько можешь, и однажды он должен пожрать сам себя – эта трагикомедия лежит в основе его механики» [Там же].

Автор «Заметок о мещанстве» видел высший смысл жизни в активной позиции человека по отношению к общественному строю, в котором волею судьбы ему пришлось жить. Как и Джордано Бруно, он славил человека-борца, человека-преобразователя, человека-творца, человека-героя, Человека (с большой буквы).

ЯЗЫК

Шестой путь к Человеку – путь от разобщения к единению. Он называется лингвизацией. Его антипод – алингвизация. Под последней следует иметь в виду языковые процессы, приводящие к разобщению. На первое место среди таких процессов А. М. Горький ставил употребление бессмысленных слов. Вот почему он не принимал языковых трюкачеств русских модернистов – А. Белого, В. Хлебникова и т. п.

На второе место среди инволюционных процессов, происходящих в языке, А. М. Горький ставил злоупотребление нелитературными словами – просторечиями, диалектизмами, вульгаризмами и т. п. Вот почему он неумолимо критиковал писателей, пренебрегающих нормами литературного языка. В их число попали, например, Нитобург и Пермитин.

В «Открытом письме А. С. Серафимовичу» (1934) А. М. Горький писал: «Вот в книжке Нитобурга "Немецкая слобода" я встречаю такие уродливые словечки: "скокулязило", "вычикурдывать", "ожгнуть", "небо забураманило" и т. д., встречаю такие фразы, как, например: "Белевесый был. Гогона, крикун, бабник, одно слово: брянский ворокоса безуенный". "Шалапутный табунок анархиствовавших девиц невзначай лягнулся задиристой фразой". Что значат эти слова?

Вот у Пермитина в книге "Враг" читаю такие же дикие словечки: "дюзнул", "скобыской", "кильчак тебе промежду ягодиц", "саймон напрочь под корешок отляшил", "ты от меня не усикнешь", "как нинабудь". "Поженили близнецов в один мясоед, и молодухи долго путали своих мужей, особенно в бане, – в банях кержаки моются семьями, мужчины, женщины, дети – все вместе. Не один год мучались бабы, пока не приноровились узнавать каждая своего". Что за ерунда!» [Русские писатели, 1954, с. 718].

Известно, какую титаническую работу проводил А. М. Горький с молодыми писателями. Чему он их учил в первую очередь? Во-первых, читать, читать и читать классику и фольклор, а во-вторых, учиться писать просто и точно. В

письме к Н. А. Емельяновой он писал: «Язык должен быть прост и точен, это придаёт ему силу, рельефность, красочность» [Там же. С. 699].

А. М. Горький не был непогрешимым критиком. Он мог ошибаться. Так, основатель «Литературной учёбы» не сумел распознать в молодом Александре Твардовском будущего первого советского поэта. Патриарх советской литературы разнёс в пух и прах его первую поэму «Страна Муравия» (1934–1936). А. М. Горький писал о ней: «Не надо писать так, чтобы читателю ясно видны были подражания то Некрасову, то Прокофьеву, то – набор частушек и т. д. Автор должен смотреть на эти стихи как на черновики. Если он хочет серьёзно работать в области литературы, он должен знать, что “поэмы” такого размера, т. е. в данном случае: длины – пишутся годами и не по принципу “Тяп-ляп, может, будет корабль”, или

Сбил, сколотил – вот колесо!

Сел да поехал – ох хорошо!

Оглянулся назад –

Одни спицы лежат».

[Твардовский, 2010, с. 75].

Современным писателям, между тем, очень было бы полезно вникнуть в такие слова А. М. Горького, которые он сказал в «Беседе с молодыми» (1934): «Слово – одежда всех фактов, всех мыслей. Но за фактами скрыты их социальные смыслы, за каждой мыслью скрыта причина: почему та или иная мысль именно такова, а не иная. От художественного произведения, которое ставит целью своей изобразить скрытые в фактах смыслы социальной жизни во всей их значительности, полноте и ясности, требуется чёткий, точный язык, тщательно отобранные слова. Именно таким языком писали "классики", вырабатывая его постепенно, в течение столетий. Это подлинно литературный язык, и хотя его черпали из речевого языка трудовых масс, он резко отличается от своего первоисточника, потому что, изображая описательно, он откидывает из речевой стихии всё случайное, временное и непрочное, капризное, фонетически

искажённое, не совпадающее по различным причинам с основным "духом", то есть строем общеплеменного языка» [Русские писатели, 1954, с. 689].

Итак, к Человеку по А. М. Горькому в области духовной культуры ведут шесть путей – атеизации, сциентизации, эстетизации, морализации, политизации и лингвизации. Реальные люди преодолевают лишь некоторую часть из этих путей, но даже и самые человечные из них не могут стать Человеком в полной мере, поскольку Человек с большой буквы есть эволюционный идеал! Он всегда впереди. Между тем ближе к нему, как считал А. М. Горький, оказываются люди свободного творческого труда. Свободного, между прочим, и от «пакостной власти копейки» [Там же. С. 298].

Безволие – вот главное препятствие на пути к Человеку. Человек с большой буквы – это человек, умеющий реализовывать свою, человеческую, сущность. Но даже и в тех, кто уходит дальше других на пути к Человеку, живёт человек с маленькой буквы, волей случая оказавшийся в таком-то времени и в таком-то пространстве. У индивидуального человека, как утверждал Б. Паскаль, вечность позади – до его рождения – и вечность впереди – после его кончины. Его окружает бесконечное пространство слева и справа, сверху и снизу, впереди и сзади. Он – песчинка, затерянная в бесконечности.

Вот и выходит, что там, где «я» индивидуальное, сознание своей ничтожности, а там, где «я» родовое, – приобщение к Человеку, к человечеству, которое имеет больше шансов на вечность, чем отдельный человек. Вот и выходит, что жить нужно не столько «я» индивидуальным, сколько «я» родовым, т. е. быть Человеком – тем самым Человеком, о котором говорит Сатин в пьесе А. М. Горького «На дне». Становиться всё в большей и большей степени Человеком – вот высший – эволюционно-культурный – смысл человеческой жизни.

А. М. Горький, как мы помним, расценил эволюционный возраст современного человека как подростковый, тем самым он его подбодрил. Вот та цитата, начало которой я уже приводил: «Человек – всё ещё во многом зверь, но вместе

с этим он – культурно – всё ещё подросток, и приукрасить его, похвалить – весьма полезно: это поднимает его уважение к себе, это способствует развитию в нём доверия к своим творческим силам. К тому же похвалить человека есть за что – всё хорошее, общественно ценное творится его силою, его волей» [Горький, 1979, т. 16, с. 288].

Приведённые слова я нашёл в статье М. Горького «О том, как я учился писать» (1928). В них выведена, по мнению её автора, специфика романтического метода в искусстве. А между тем эти слова имеют отношение не только к искусству, но и к культуре в целом. Более того, в них схвачена одна из существенных черт эволюционного мировоззрения: без гуманного, поощрительного отношения человека к человеку культурная эволюция невозможна. Напротив, утрата подобного отношения ведёт людей к инволюции, к расчеловечению, к торжеству животного начала в человеке над собственно человеческим, культурным.

Эволюционная интерпретация романтизма у М. Горького вовсе не случайна. Он был вполне состоявшимся эволюционистом, т. е. видел в современном мире результат его многомиллионного развития. Подобный, эволюционный, взгляд он распространял, прежде всего, на культуру, в особенности восхищаясь выдающимися деятелями науки и искусства. Организация им издания книг о жизни замечательных людей (ЖЗЛ) – вовсе не случайный эпизод в его биографии.

Сам А. М. Горький был образцом культурной эволюции. Всю жизнь он творил из себя Человека. Его любовь к выдающимся деятелям культуры не была слепой. Достаточно в связи с этим напомнить, как резко он критиковал Л. Н. Толстого и в особенности Ф. М. Достоевского за их призыв к смирению. Не раб, а свободный человек был его идеалом. Первый пассивен в культурогенезе, а второй активен, созидателен, продуктивен. Первого он изобразил в образе «мещанина», а второго он считал «самым великим чудом мира и творцом всех чудес на земле» (Там же. С. 293). Именно такой человек «создает культуру, которая есть наша, нашей волей, нашим разумом творимая “вторая природа”» [Там же. С. 283].

Библиографический список

1. *Горький М.* Собрание сочинений в 16 томах [Текст] / А. М. Горький. – М.: Правда, 1979.
2. *Горький А. М.* Статьи 1905-1916 [Текст] / А. М. Горький. – СПб.: Парус, 1918. 212 с.
3. Переписка А. П. Чехова в двух томах [Текст] / Переписка. – М.: Художественная литература, 1984.
4. *Роллан Р.* Жан-Кристоф. В 4 томах [Текст] / Р. Роллан. – М.: Правда, 1982.
5. *Розанов В. В.* Т.2 [Текст] / В. В. Розанов. – М.: Правда, 1990. 712 с.
6. Русские писатели о языке (XVIII-XIX вв.). Под ред. Б. В. Томашевского и Ю. Д. Левина [Текст] / Русские писатели. – Л.: Советский писатель, 1954. 834 с.
7. *Твардовский А. Т.* Давно ли? Жизнь тому назад... Биография. Стихи. Воспоминания. Состав. И. Осипов [Текст] / А. Т. Твардовский. – М., 2010. 624 с.
8. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 20 [Текст] / Л. Н. Толстой. – М.: Правда, 1965. 690 с.
9. *Чуковский К. И.* Собрание сочинений в шести томах [Текст] / К. И. Чуковский. – М.: Художественная литература, 1967.